

УДК 81.367

О ПРЕДЕЛАХ СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МНОГОЧЛЕННЫХ
СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Гуськова Т. П.

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Академия управления МВД России

г. Москва

tata525guskova@yandex.ru

***Аннотация.** Многочленные сложные предложения — свидетельство цивилизационных достижений использующего их общества, развитости ментальной сферы носителей языка. В условиях экспансии разговорной речи, ставшей уже привычной средой речевого существования, анализ сложных предложений с большим количеством предикативных единиц практикуется все реже (вплоть до полного отказа от него). Но если для среднестатистического носителя русского языка и русской культуры опыт понимания (или непонимания) многочленных сложных предложений может оставаться невостребованным, то для специалистов в области русского языка он значим уже профессионально. Показана перспективность обращения к этим единицам с обязательной ориентацией на широкий авторский контекст, с подчеркнутым вниманием к истории формирования этих единиц как типа высказывания в русском литературном языке, обязательным рассмотрением приемов фиксации литературной речи и традиций использования многочленного сложного предложения как формы периодической речи.*

***Ключевые слова:** русский язык, синтаксис, многочленное сложное предложение, синтаксический анализ предложения, уровень членения.*

ABOUT THE LIMITS OF SYNTACTIC ANALYSIS OF POLYNOMIAL
COMPLEX SENTENCES**Gus'kova T.P.***Candidate of Philological Sciences,**Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia,**Moscow*tata525guskova@yandex.ru

Annotation. *Polynomial complex sentences are evidence of the civilizational achievements of the society using them, the development of the mental sphere of native speakers. In the context of the expansion of spoken language, which has already become a familiar medium of speech existence, the analysis of complex sentences with a large number of predicative units is practiced less and less often (up to the point of complete abandonment). Russian language and Russian culture, however, may find the experience of understanding (or misunderstanding) complex multi-part sentences unremarkable, but for specialists in the field of the Russian language, it is already professionally significant. The perspective of addressing these units is shown with a mandatory focus on the broad author's context, with emphasis on the history of the formation of these units as a type of utterance in the Russian literary language, mandatory consideration of the techniques of fixation of literary speech and traditions of using a polynomial complex sentence as a form of periodic speech.*

Keywords: *Russian language, syntax, polynomial complex sentence, sentence syntactic analysis, level of division.*

Будучи приметой литературной (и прежде всего письменной) речи, многочленные сложные предложения (МСП) свидетельствуют о цивилизационных достижениях использующего их общества, развитости ментальной сферы носителей языка.

Информативность и экспрессивность, «сравнительная сжатость и способность глубоко, полно и разносторонне, а также с известной

законченностью выражать описываемое сложное явление» (Глухих, 2001, с. 80), передавать «сложную гамму различных сторон мысли и разнообразных эмоций персонажей и автора» (Глухих, 1998, с. 76), стилистически маркированное в восприятии читателя многообразие форм, структурные особенности предикативных частей, а также закрепившиеся в литературной практике приемы иерархической организации структуры, стилистически соотнесенные с реализуемыми посредством таких конструкций типами высказываний, сделали МСП неотъемлемой чертой русского художественного текста XIX — XX вв.¹, что предопределяет необходимость их изучения уже в школьном курсе русского языка.

Как «емкая форма, делающая язык более гибким, выражающая разнообразнейшие связи и отношения объективной действительности и способная передать тончайшие нюансы развертываемой мысли» (Калашникова, 1980, с. 33), МСП признаются единицей, обращение к которой позволяет «провести большую работу по развитию устной и письменной речи учащихся» (Калашникова, 1980, с. 33), их логического мышления² и оперативной памяти, «воспитанию умения тонко чувствовать язык, свободно и целенаправленно пользоваться его возможностями в речи» (Холодов, 1971, с. 40), — работу в

¹ В конце 80-х гг. XX в. эти конструкции оказались востребованы уже в творчестве постмодернистов: «Основной тенденцией в развитии синтаксиса художественной прозы постмодернизма становится тенденция к синтаксическому слиянию [...] Она проявляется в образовании огромных усложненных сложных предложений, насчитывающих в своем составе десятки предикативных единиц, объединение которых противоречит существующим в языке и описанным грамматистами закономерностям построения усложненного сложного предложения; в объединении в рамках таких предложений разнородных в композиционно-грамматическом отношении фрагментов (разные события, сцены, хронологические срезы); в объединении в рамках таких предложений нескольких субъектных и речевых сфер, выраженных эксплицитно и/или имплицитно; они могут последовательно сменять друг друга, чередоваться, но не иметь традиционных синтаксических, пунктуационных и графических сигналов смены субъектно-речевого слоя; разные субъектно-речевые слои могут сосуществовать не последовательно, а одновременно на одном отрезке текста: один — эксплицитно, другой — имплицитно; одновременно существующих субъектно-речевых слоев может быть несколько; в рамках такого усложненного сложного предложения может быть диалог, один или несколько, реплики которого могут не отделяться синтаксически, пунктуационно и графически друг от друга и от речевого слоя повествования; предикативные единицы в составе такого усложненного сложного предложения могут быть различными по цели высказывания и эмоциональной окрашенности и иметь соответствующее пунктуационное оформление (вопросительным, восклицательным знаками) даже в интерпозиции» (Покровская, 2001, с. 16).

² Ср.: «Хотя в принципе мыслительная деятельность и язык возможны без сложных предложений усложненного типа, однако роль их очень велика, так как они появляются и используются в языке в результате необходимости передать большой объем информации и свидетельствуют о гибкости нашего мышления, о наличии в мышлении и языке разнообразнейших способов представления действительности. [...] Научив школьников пользоваться многокомпонентными предложениями в устной и письменной речи, мы тем самым увеличим их арсенал способов выражения мысли синтаксическими средствами, повлияем на развитие их логического мышления» (Калашникова, 1980, с. 33).

современной массовой школе не менее актуальную, чем в предыдущие десятилетия, и тем более необходимую на фоне сложившейся сегодня реальной речевой практики³.

И все-таки, хотя сформированная на протяжении десятилетий система изучения многочленных сложных предложений в школьном курсе русского языка⁴ предполагает обращение к этим единицам уже в младших классах — так, при подготовке изложений и сочинений рекомендуется «время от времени обращаться к разбору многокомпонентных предложений, употребленных учащимися, упражнять их в составлении простейших схем» (Калашникова, 1980, с. 33), — а в старших классах основана на уже приобретенных учениками сведениях из морфологии, синтаксиса словосочетания, простого и сложного двучленного предложений и связана с обязательным синтаксическим анализом таких конструкций и подбором одноструктурных высказываний, ее результативность в целом не выше, чем в предыдущие десятилетия: «...учащиеся с трудом овладевают сложными синтаксическими конструкциями и такими средствами языка, которые по значению носят более или менее абстрактный характер, требуют понимания тонких смысловых отношений между понятиями...» (Добромыслов, 1957, с. 44–45).

Очевидно и то, что в условиях экспансии разговорной речи, ставшей уже привычной средой речевого существования практикующих и будущих учителей русского языка и литературы и их учеников, в связи со все возрастающей «цитатностью»⁵ реакции обучающихся при восприятии МСП, анализ сложных предложений с большим количеством предикативных единиц, — как учебный,

³ Ср. выводы начала XXI в.: «...следует отметить невысокий уровень сформированности коммуникативной компетенции, самой значимой для практической деятельности (и вообще взрослой жизни) людей. Более половины учащихся не владеют навыками чтения, затрудняются при интерпретации содержания текста, не умеют адекватно воспринимать содержащуюся в нем информацию, как концептуальную, так и фактологическую, особенно если автором используется ирония или иносказание, доказательство от противного. Более 60% выпускников испытывают существенные затруднения при создании собственного речевого высказывания на предложенную тему, не умеют ясно и точно, последовательно и логично выражать свои мысли в письменной форме, не могут аргументировать свою точку зрения» (Рыбченкова, Капинос, Цыбулько, 2004, с. 6–7).

⁴ См., например, только некоторые публикации в журнале «Русский язык в школе» (Устрицкий, Тукумцев, 1937; Козмин, Рохлин, 1963; Алмазова, 1969; Московкина, 1971; Холодов, 1971; Московкина, 1972; Везерова, Моранькова, 1976; Калашникова, 1980; Мельничайко, 1982; Купалова, 1991).

⁵ Ср.: — *Смотри, как дышит эта ночь;/ Звезда, уставшая светить, упала, обожгла/ плечо...!* — *Что?..* (Рождественский Р. Поэма о разных точках зрения.)

так и контрольный — практикуется в школе все реже, вплоть до полного отказа от него⁶.

Показательно, что и в современной массовой литературной речи частотность именно «длинных» предложений (сложных, как и та реальность, которая в них отражается и посредством их описывается⁷) — снижается: «Синтаксические построения становятся все более расчлененными, фрагментарными; формальные синтаксические связи — ослабленными, свободными, а это в свою очередь повышает роль контекста, внутри отдельных синтаксических единиц — роль порядка слов, акцентных выделений; повышение роли акцентных выразителей связи приводит к словесной сжатости синтаксических единиц и, как следствие, к их смысловой емкости. Современный синтаксис, в отличие от классической своей формы, сложившейся к началу XX в., с преобладающими эксплицитными связями и отношениями, меняет свой общий ритмико-мелодический облик: резко сокращается длина предложений-высказываний; грамматические рамки предложения как основной синтаксической единиц нарушаются путем возможного отчленения компонентов этого предложения; свободные синтаксические связи типа примыкания, соположения активизируются, оттесняя формально выраженные подчинительные связи; все большее место занимают синтаксические построения, экспрессивность которых заложена в самой грамматической структуре, а не создается подбором соответствующих лексем» (Валгина, 2003, с.

⁶ По результатам опросов, на протяжении ряда лет, проводившихся [мною как преподавателем курса синтаксиса современного русского языка на факультете русского языка и литературы педагогического вуза — Т.Г.] среди студентов только каждый пятый из них, обучаясь в 9–11 классах, выполнял анализ таких конструкций. Ср. типичные ответы на просьбу выполнить сокращенный анализ МСП и/или сформулировать, что затрудняет в анализе подобных конструкций: «Сложно разбирать предложения с большим количеством предикативных частей. Было бы проще, если бы сложными схемами занимались в школе»; «...опыта разбора подобных предложений очень мало (в школе таким почти не занимались)»; «Только на 4-м курсе разбирали такие предложения — нет опыта и навыков»; «В школе ограничивались разбором сложного предложения с двумя — четырьмя предикативными единицами, подробно не рассматривали сложные случаи разборов предложений, брались «прозрачные», понятные примеры...»; «Сильно путаешься при разборе этого предложения. Чем больше размышляешь над ним, тем больше возникает сомнений, начинаешь исправлять, следовательно, ошибки. К концу разбора уже вообще ничего не понимаешь — такая путаница в голове из-за обилия скобок в схеме»; «Когда я делала разбор, мне было сложно понять сам смысл предложения».

⁷ Ср.: *Жизнь прослеживалась, как одна длинная фраза, полная придаточных предложений, лишних определений и отступлений в скобках — приходилось возвращаться к началу, и смысл проступал, несмотря на перепутанный где-нибудь падеж, окончание, меняющее местами объект и субъект действия* (Кабаков А. Сочинитель).

183–184)⁸.

Именно потому, что анализ МСП с большим количеством предикативных единиц, связанный с необходимостью удерживать в памяти значительное по объему содержание (зачастую без опоры на жизненный опыт), объективно труден для обучающихся⁹, в школьном курсе предлагается разбирать МСП, включающие обычно не больше четырех — шести предикативных единиц, — так, при изучении раздела «Сложные предложения с разными видами связи» в учебнике русского языка для 9 класса общеобразовательных организаций (Бархударов, Крючков и др., 2023, с. 156–168) требуется выполнить синтаксический разбор 17 многочленных сложных предложений (трех — с тремя предикативными единицами, четырех — с четырьмя, четырех — с пятью, двух — с шестью и по одному — с восемью, девятью, 10-ю и 12-ю предикативными единицами)¹⁰. Учитывая реальный уровень владения письменной литературной

⁸ Ср.: «Изгнав русских героев из их всепрощающей культуры, терпимой к боли, возвращенной на ней, растущей и расцветающей в страдании, отняв у них комфорт всеизбавляющего героического ухода, Набоков заставляет их начать новую жизнь, намного более страшную, чем та, от которой добрейшая русская литература их так щедро избавила. Жестокою западную жизнь после русской извиняющей смерти. Как и сам автор, на новом, современном витке спирали они были вынуждены приспособливаться к новым, во многом более тяжелым условиям открытого пространства, свободы выбора, ответственности за свою судьбу и необходимости принятия собственных решений, не рассчитывая больше на удобство русского языка, русского уюта с его скобками, двоеточиями, тире, запятыми, за которыми можно прятаться, как за калиткой, укрываться за забором, накрываться от жизненных ветров, засыпаться пушистым снегом, как пуховым одеялом, — переждем, перезимуем, доживем до лучших времен...

И фраза, начатая где-то когда-то, в другом времени и пространстве, вьется, крутится и оборачивается вокруг себя, в типичной кольцевой архитектуре русского поселения, в кольцевой композиции «Мертвых душ», и из конца не видно начала, и только дозванивает знакомый колокольчик, и вот мы уже в другом измерении, далеко-далеко и все на том же месте. Стремясь из колеса в птицу-тройку, из войны в мир, из Пушкина в Онегина, мы, описав круг, возвращаемся обратно, к началу, к колесу и к Пушкину» (Хрущева, 2008, с. 148–149). См. там же: «Краткость, конечно, сестра таланта — один Пушкин, наш одновременно самый западный (кроме русского, писавший еще и по-французски, и компактно на обоих языках) и самый русский поэт, чего стоит. И сегодня мы, старательно подавляя разбушевавшуюся после него страсть к лирическим отступлениям (XIX век, казалось, стремился дописать за него все, что он сам мог бы написать с 1837-го до, скажем, 1887-го, если бы прожил все эти годы) наше извечное пристрастие к фразам, растягивающимся на страницы, к кольцевой композиции и круговоротному, кругосветному выражению мысли, к непреодолимому желанию сразу сказать все обо всем и вместо романа сочинить Евангелие, учимся у других, более рациональных цивилизаций выражать мысль четко и кратко, по Набокову, так сказать. Жаль только, что это четкое выражение у нас пока приняло форму китча на рекламных щитах. (Жалость здесь, безусловно, гипотетическая, так как это неизбежное и универсальное влияние капитализма на любую культуру: кино посмотреть — пожалуйста, а времени на четырехтомную «Войну и мир» у нас, извините, больше нет.)» (Хрущева, 2008, с. 25–26).

⁹ Например, в 2007 г. на заключительном этапе Всероссийской олимпиады школьников по русскому языку только два (!) участника среди учащихся 11 класса «справились с синтаксическим анализом сложного многокомпонентного предложения повышенной сложности» (Смольников, 2008, с. 43).

¹⁰ Ср.: в (Бархударов, Крючков и др., 2007) предлагалось выполнить синтаксический разбор семи многочленных сложных предложений с тремя (упр. 201, 207, 240, 287, 310, 333, 414), семи — с четырьмя (упр. 201, 219, 226, 297, 298, 392) и всего лишь двух — с пятью предикативными единицами (упр. 226, 392). Еще для 39 МСП с тремя, девяти — с четырьмя, семи — с пятью и для одного — с шестью предикативными единицами

речью обучающимися в современной массовой общеобразовательной школе, нет оснований считать такой отбор МСП для синтаксического анализа в школе непродуманным¹¹.

Но если для среднестатистического носителя русского языка и русской культуры опыт понимания (или непонимания) МСП в школьные годы может в дальнейшем остаться не востребуемым, то для педагога-словесника он значим уже профессионально¹².

Поэтому анализ МСП обязателен в вузовском курсе синтаксиса¹³ — будущие учителя русского языка и литературы должны самостоятельно и свободно справляться с анализом любых МСП, — как совпадающих по количеству предикативных единиц с объемом оперативной памяти, так и значительно ее превышающих.

Однако при подборе конструкций для такой работы преподавателю также приходится считаться с теми внеязыковыми реалиями, которые влияют на способность студентов в темпе чтения (слушания) понимать смысл значительных по своему объему предложений¹⁴, — затрудненность этого

авторы учебника предлагали составить схемы. В (Бархударов, Крючков и др., 2023) схемы требуется составить для 14 МСП (семи — с тремя, шести — с четырьмя, одного — с пятью предикативными единицами).

¹¹ В связи с этим спорным в своей методической целесообразности представляется включение в учебник русского языка для 10–11 классов общеобразовательной школы (Власенков, Рыбченкова, 2006, с. 326) заданий по составлению схем предложений из стихотворений Ф. И. Тютчева «Осенний вечер» (упр. 518) и А. А. Фета «Я пришел к тебе с приветом» (упр. 520), что предполагает их предварительный хотя бы сокращенный анализ.

¹² Ошибки в понимании сложных предложений с большим количеством предикативных единиц и несколькими уровнями членения допускают уже и авторы популярных пособий «в помощь учащимся». См. схему [], [(когда) и ()], [], [], и [], (что) для предложения *Жары на острове, посреди воды, не бывает; по вечерам, когда затихал ветерок и от нагретой земли исходило теплое парение, такая наступала кругом благодать, такой покой и мир, так густо и свежо сияла перед глазами зелень, еще более приподнявшая, возвысившая на водой остров, с таким чистым, веселым перезвоном на камнях катилась Ангара, и так все казалось прочным, вечным, что ни во что не верилось – ни в переезд, ни в затопление, ни в расставание* (Распутин В. Прощание с Матерой) в (Барсукова, 2005, с. 286).

¹³ Пожалуй, впервые в учебнике современного русского языка для студентов высших учебных заведений, и это показательно (учитывая декларируемую обязательность и безусловную традиционность синтаксического разбора МСП как вида работы не только в вузовской аудитории, но и в современной массовой политехнической школе, где предстоит работать большинству выпускников педагогических вузов), предлагаются схемы синтаксического разбора МСП, сопровождаемые к тому же образцами и подробными комментариями (Современный русский язык, 2001, с. 592–641).

¹⁴ «Отмечается... зависимость синтаксических изменений от таких социальных факторов, как развитие средств массовой информации (радио, телевидение, печать), расширение устных контактов. [...] Даже общий синтаксический облик речи, в частности, в письменном ее варианте, в наше время иной, чем, например, в XIX в. От непрерывности синтаксической цепочки (синтагматики), яркой выраженности подчинительных отношений (система флексий и служебных слов) мы пришли к актуализированным построениям с имплицитно представленными синтаксическими связями (без специальных сигналов этих связей), к расчлененности грамматических структур, предельной самостоятельности отдельных их компонентов» (Валгина, 2003, с. 182).

процесса, в любом возрасте обусловленная «степенью доступности сложного предложения пониманию слушателя или читателя» (Грамматика, 1954, с. 364), отмечалась уже в середине XX в.¹⁵, а потому в учебном курсе синтаксиса, ориентированном на усвоение студентами сведений о формальной и семантической устроенности МСП (объем, компонентная структура, уровневая организация, характер синтаксических связей, специфика сочетаемости предикативных частей и особенности средств связи, смысловые отношения между компонентами) (Современный русский язык, 2001, с. 592–641), необходимо опираться на объективные свойства обучающихся, обусловленные уровнем их психического развития, особенностями перцепции, характером протекания мыслительных операций, определяемых, в свою очередь, «системой сформировавшихся знаний и отношений, характеризующих умственный уровень данного человека» (Ю. А. Самарин).

Как показывает опыт, внимание будущих учителей, совершенствующихся в технике синтаксического анализа МСП в рамках учебного курса синтаксиса, должно сосредотачиваться преимущественно на традиционно затрудняющих обучающихся вопросах¹⁶:

1) квалификация как простых предикативных частей, построенных по фразеологизированным моделям; характеристика сказуемых в предикативных частях как однородных или (при наличии показателей) как входящих в грамматические основы различных предикативных частей; рассмотрение обособленных второстепенных членов, выраженных причастными и деепричастными оборотами; пояснения; вводных и вставных конструкций, по объему совпадающих с предложением, - в качестве компонентов простых частей; разграничение сравнительных оборотов в составе предикативной части и

¹⁵ «Что касается вопроса о количестве простых предложений, которые могут входить в состав сложного предложения усложненного типа, то это количество не может быть ограничено какими-либо нормами, а регулируется степенью доступности сложного предложения пониманию слушателя или читателя. Изучение сложных предложений в произведениях даже наиболее крупных писателей показывает, что часто такие предложения, при их чрезмерной усложненности и в особенности при многократном повторении одних и тех же союзов или союзных слов, затрудняют читателя и требуют повторного прочтения» (Грамматика, 1954, с. 364–365).

¹⁶ Для разных этапов анализа МСП неслучайность подобных затруднений подтверждается, например, в работах (Штурмин, 1975; Глухих, 2004).

сравнительных придаточных; определение нераспространенных (или минимально распространенных) односоставных конструкций, равно как и неполных¹⁷, и нечленяемых как отдельных предикативных единиц; различение структурных аналогов сложных предложений с позиционно специализированными союзными средствами (ССП с союзами *тоже, также* и с союзной частицей *же*; СПП с союзной частицей *ли*, с союзными аналогами *пусть / пускай, только, лишь, иначе*) и бессоюзных СП; трактовка частей со стечением союзов¹⁸ и соподчиненных придаточных частей при неповторении союзного средства связи¹⁹ как самостоятельных предикативных единиц — при **определении границ простых частей в составе сложного предложения**;

2) установление иерархии описываемых в МСП ситуаций и оснований для объединения предикативных частей в структурно-семантические компоненты²⁰ (непонимание того, как структурируются ситуации, получающие отражение в многочленных сложных предложениях, как структура описываемых ситуаций соотносится со структурой предложения, приводит к затруднениям при объединении предикативных частей в компоненты, и, следовательно, к ошибочному выделению уровней членения в многочленных сложных предложениях); определение доминирующей связи²¹; выделение структурно-

¹⁷ К числу предложений, квалификация которых «как у учителя среднего учебного учреждения, так и у преподавателя вуза» вызывает «особые трудности», Е. П. Марченко, например, относит следующие: *Оптимист вовсе не то, кто никогда не страдал, а тот, кто пережил отчаяние и победил его* (А. Скрябин); *Бесцельным надо признать не только то, что не достигает цели, но и то, что хватает через цель* (В. Ключевский) (Марченко, 2004, с. 27).

¹⁸ «Нередко придаточные со смежными союзами принимаются за одно предложение; иногда трудно вычленив первое и второе придаточные, особенно когда второй подчинительный союз двойной: местонахождение его второго компонента в составе предшествующего придаточного предложения часто затруднительно» (Глухих, 2004, с. 116).

¹⁹ В середине 1970-х гг. ошибочное объединение «двух или более придаточных, связанных с главной частью при помощи одного общего союза и образующих комплекс, в одну часть» объяснялось «комплексным характером подчинения, чему при изучении сложных синтаксических конструкций уделяется мало внимания» (Штурмин, 1975, с. 99).

²⁰ См., например (Марченко, 2004, 29–31).

²¹ Ср.: «Студенты испытывают затруднения в определении ведущего типа связи и основных смысловых и синтаксических отношений между компонентами сложных синтаксических конструкций, например: 1) *Ветер не мог тут свирепствовать, дорога была гладкая, лошадь ободрилась, и Владимир успокоился* (Пушкин); 2) *Она [Поля] чувствовала, что между той жизнью, которую она вела месяц тому назад, даже десять дней назад, и той жизнью, которая началась вчера, прошла глубокая межа* (Г. Марков). В первом примере студенты обычно видят сложносочиненное предложение с перечислительными отношениями, тогда как это сложносочиненное предложение с причинно-следственными отношениями, первые три предикативные части образуют комплекс. Во втором примере тип связи определяется нередко как последовательное соподчинение, в то время как связь эта — смешанное подчинение. [...] Эта ошибка связана с тем, что студенты не умеют распознавать иерархические связи и отношения между частями сложных конструкций» (Штурмин, 1975, с. 98).

семантических компонентов (блоков), в частности, при однотипных основных средствах синтаксической связи²² — при **выделении в МСП уровней членения**;

3) установление абстрактного характера союзных средств связи и этим обусловленной их многозначности; выявление дополнительных средств синтаксической связи (соотнесенность синтаксических категорий сказуемых, параллелизм строения предикативных единиц, типизированные лексические элементы, разные формы одного слова, однокоренные слова, синонимы); разграничение аналогов СПП по признаку присловной / неprisловной отнесенности придаточного компонента²³; разграничение главной и придаточной частей в компонентах, построенных по фразеомоделям²⁴, пре(интер)позиция придаточных компонентов — при **определении типа синтаксической связи на каждом уровне членения СП**;

4) распознавание союзов (за исключением наиболее употребительных в современной русской речи) и выявление их семантики (на неясно осознаваемые отношения между ситуациями, представленными в структуре предложения, регулярно накладываются и недостатки усвоения сведений из морфологии союзов); выявление синонимии / омонимии союзных средств связи²⁵; учет дополнительных средств связи при квалификации характера смысловых отношений между компонентами — при **характеристике смысловых**

²² «Правильное разделение сложного многочленного предложения с одним видом связи на части свидетельствует об адекватном понимании содержания конструкции в целом» (Глухих, 2004, с. 115). Ср., впрочем, трактовку как причинно-следственных поэтически недоосмысленных отношений следования при анализе МСП *Все началось с простой капли, И вот уже текут снега, И зажурчали, зазвенели Деревья, воздух и луга* (Яшин) в работе того же автора (Глухих, 200, с. 81).

²³ При интерпретации понятий *нерасчлененности* / *расчлененности* структуры СПП обучающиеся нередко исходят из повседневного, и скорее внеучебного, нежели учебного, опыта: как СПП расчлененной структуры характеризуются конструкции с присловным характером связи; нерасчлененность же ошибочно связывается с отсутствием необходимости «расчленять» состав главной части в поиске опорного или коррелятивного компонента.

²⁴ «Студенты испытывают большие трудности при анализе таких конструкций, в придаточных частях которых отсутствуют подчинительные союзы и относительные (союзные) слова, например: *Я вись теперь на Руси поэт, который был бы неизмеримо выше Пушкина, его появление уже не могло бы наделать столько шума, возбудить такой энтузиазм, потому что после Пушкина поэзия уже не невиданная и не слыханная вещь* (Белинский). Выделенную часть студенты определяют как главную, в действительности же она выполняет функцию придаточной условия» (Штурмин, 1975, с. 99).

²⁵ Ср. не потерявшие актуальности наблюдения середины 1970-х гг.: «При разборе сложных синтаксических конструкций студенты довольно часто смешивают омонимические подчинительные союзы и союзные слова (*что, когда, как и др.*)» (Штурмин, 1975, с. 99).

отношений между компонентами в структурных аналогах СП;

5) ограниченные возможности отражения уровневой структуры и компонентного состава МСП в традиционных «вертикальных» схемах; обозначение компонентного состава МСП посредством «линейных» схем и их соотнесенность с бинарными «вертикальными» схемами; деформация моделей сложных предложений под влиянием коммуникативного задания²⁶ с последующим отражением в схеме — при **графическом представлении структурной схемы МСП**.

Поскольку демонстрация того, как устроено МСП, — это результат адекватной его интерпретации, основанной не только на собственно лингвистических сведениях о строении сложного предложения, но исходящей из единства объединяющей автора и читателя модели мира, тождественности их перцептивного опыта, референций, культурного фона и т. д., то для учебного курса синтаксиса в педагогическом вузе сегодня предпочтительны повествовательные МСП с тремя — пятью (не чрезмерно распространенными или осложненными) предикативными единицами (преимущественно с отношениями *последовательности, предмета и его признака, предмета и его свойств*, в меньшей степени — с отношениями *аргумента и тезиса, причины и следствия*)²⁷.

Обучающимся это позволяет свободно демонстрировать обратимость мыслительных операций, предварительно отработанных при анализе

²⁶Так, речевые деформации, ведущие или к регулярной неполноте одной из предикативных частей (1), или даже к ее утрате (2), зачастую не учитываются обучающимися ни при характеристике структурных аналогов СП, ни при построении графических схем предложения: 1) *Литвинов испытывал ощущение, подобное тому [ощущению — Т.Г.], которое овладевает человеком, когда он смотрит с высокой башни вниз: вся внутренность его замирала, и голова кружилась тихо и приторно* (И.С. Тургенев); 2) *Покуда учитель толковал Сереже, он [Сережа] верил и как будто понимал, [что коротенькое и такое понятное слово «вдруг» есть обстоятельство образа действия — Т.Г.], но как только он оставался один, он решительно не мог вспомнить и понять, что коротенькое и такое понятное слово «вдруг» есть обстоятельство образа действия* (Л.Н. Толстой).

²⁷ Кроме количества предикативных частей и степени их распространенности и / или осложненности, при отборе конструкций для синтаксического анализа в учебном курсе синтаксиса нужно учитывать актуальность / неактуальность для современной массовой речи представленных в МСП средств синтаксической связи, степень абстрактности / конкретности их, роль дополнительных средств связи в определении характера смысловых отношений между компонентами, однозначность / синкретизм грамматических отношений между компонентами, абстрактный / конкретный характер содержания, количество уровней членения.

двучленных СП элементарного состава²⁸, преподавателю же — оценивать именно подготовленность обучающихся по разделу синтаксиса сложного предложения, а не получать убедительные данные об уровне их интеллектуального и психоэмоционального развития, образованности, общей и филологической культуры — что безусловно диагностируется при синтаксическом разборе МСП со значительно превышающим объем оперативной памяти количеством предикативных единиц (и, соответственно, с большим числом синтаксических связей, уровней членения и смысловых отношений между компонентами), но оцениванию в вузовском курсе современного русского языка не подлежит.

Синтаксический анализ же избылиующих в текстах классической русской литературы — и разнообразно представленных в сборниках упражнений для студентов вузов, см., например (Лекант, 2000; Лекант, 2002) — МСП, для понимания которых недостаточно сведений лишь о формальной устроенности сложного предложения в современном русском языке²⁹, уместен в рамках курса, рассматривающего вопросы специализации МСП на фоне двучленных сложных предложений³⁰ и позволяющего преподавателю учесть накопленный в лингвистике опыт описания этих конструкций, а студентам осознать, что подобные конструкции — именно в силу подчеркнутой их ориентации на литературно обработанную письменную речь — не просто сцепление

²⁸ «...различие между сложными предложениями с минимальным количеством частей и предложениями усложненного типа состоит в том, что первые представляют соединение предикативных единиц по одной структурной схеме, вторые же — сочетание нескольких соединений предикативных единиц, организованных по разным структурным схемам. Поэтому в сложных предложениях усложненного типа представлены те же структуры, какие существуют в минимальных конструкциях сложных предложений, но в комбинациях друг с другом» (Современный русский язык, 1989, с. 727).

²⁹ Ср.: «Прочитанную фразу можно понять лингвистически, но не понять денотативно. То есть — человек воспринимает законченное предложение, может выделить отдельные его члены, ставить к ним вопросы, обнажая связи между ними, но при этом он может иметь смутное представление о денотативном (экстралингвистическом, отнесенном к действительности) значении той или иной номинации, неясно осознавать денотативный смысл целого, ибо он соотносен с более широким смысловым контекстом непосредственно и с еще более широким — опосредованно» (Васильева, 1990, с. 132).

³⁰ Ср.: «Думается, нельзя проводить резкую грань между бипредикатным сложным предложением и МСП — это синтаксические единицы одной системы, МСП неразрывно связано с элементарным сложным предложением (далее ЭСП), обладая всеми его свойствами, но и существенно отличаясь от него. В ЭСП синтаксическая связь между предикативными единицами автономна и имеет самодовлеющий конститутивный характер. Она используется один раз и формирует двухместную схему. ЭСП и МСП существуют и функционируют как разноструктурные реализации одних и тех же схем сложного предложения. Эти реализации, выражая один и тот же круг категориальных значений, отличаются друг от друга объемом, глубиной структуры, количеством и внутренним устройством основного членения» (Беднарская, 2001, с. 94–95).

предикативных единиц по законам русского языка, как это, впрочем, уже давно (научные грамматики после 1954 г. вообще отказывают МСП в статусе синтаксической единицы, хотя их возможностями активно пользуются) очевидно для исследователей: «Структурный, семантический и коммуникативный анализ многокомпонентных сложных предложений [...] вызывает большие трудности и у лингвиста-теоретика, и у преподавателя-практика. Ранее МСП анализировались многими отечественными лингвистами (И.А. Попова, Н. С. Поспелов, Л.Ю. Максимов, В.И. Кодухов, В.А. Белошапкова и др.); в последние двадцать лет наиболее заметными были монографии Г.П. Уханова, Г.Ф. Гавриловой, Г.Ф. Калашниковой, В.А. Шитова и др. Однако рассматривались они в связи с другими проблемами сложного предложения и не системно, а как отдельные фрагменты. Специально МСП посвятил свою докторскую диссертацию И.А. Василенко еще в начале 50-х годов, но он анализировал лишь трехчастные структуры с сочинением и подчинением.

Такие ограничения понятны, так как задача структурно-семантического анализа МСП необычайно сложна: необходимо не только описать структуру МСП и раскрыть сущность его семантической структуры, выделить общую программу высказывания, лежащую в основе конкретного МСП, а также характер связи между смысловыми частями, объяснить закономерности объединения в смысловые части предикативных единиц... Необходимо создать типологию этих усложненных смысловых структур, установить основной референт в МСП, вокруг которого организуется высказывание. Одной из сложнейших задач при анализе МСП является выделение и теоретическое обоснование доминирующей синтаксической связи, определяющей типологию МСП» (Беднарская, 2001, с. 94).

Только описание МСП в рамках специального курса — с ориентацией на широкий авторский контекст, с обращением к системе взглядов автора (в частности, исторических и философско-этических), с подчеркнутым вниманием к истории формирования этих единиц как типа высказывания в русском литературном языке, с обязательным рассмотрением закрепившихся на

протяжении XIX — XX вв. приемов письменной фиксации литературной речи³¹ и традиций использования МСП как формы периодической речи³², с неременной характеристикой субъективно-модального плана таких высказываний и анализом их текстовых свойств³³ — обуславливает сегодня уместность обращенных к массовой студенческой аудитории наблюдений над употреблением МСП в литературных текстах - равно как в классических³⁴, так и в постмодернистских³⁵.

³¹ Ср.: «К стилистико-синтаксическим достижениям русского литературного языка первой половины XIX века можно отнести различные формы косвенной речи с теми или другими отражениями эмоциональных моментов сжато передаваемой ею прямой. Под пером выдающихся мастеров эта изящная форма, соединяющая в себе отраженные, но вместе с тем еще выразительные эмоциональные краски воспроизводимой в наиболее важных элементах фразы героев повествования — с объективирующей сдержанностью авторского сообщения, выступает и в поэзии, и в прозе этого времени как прекрасный род передачи голосов, которым, по авторскому замыслу, нужно звучать сдержанно, приглушенно, неискренне, иногда — оставаться только «внутренними» голосами, выражением размышлений, загнанных в себя чувствований и под.» (Булаховский, 1954, с. 442).

³² Так, характеризуя «большие синтаксические структуры в стихотворении» первой половины XIX в., Л.А. Булаховский отмечал: «Большой силы период в виде параллельных придаточных предложений с нарастающим ритмическим подъемом достигает, начиная с двадцатых годов, главным образом, в поэме; ср. в особенности у Пушкина: «Не многим, может быть, известно, Что дух его неукротим, Что рад и честно и бесчестно Вредить он недругам своим; Что не единой он обиды С тех пор как жив не забывал; Что далеко преступны виды Старик надменный простирал; Что он не ведает святыни, что он не помнит благостыни, Что он не любит ничего, Что кровь готов он лить как воду; Что презирает он свободу, Что нет отчизны для него» («Полтава», 1828–1829).

Прекрасные образцы таких структур в лирике, со строкой относительно длинной, с семантической окраской медитативной, создаются М.Ю. Лермонтовым. К известнейшим относятся последние строфы элегии «Выхожу один я на дорогу...» (1841): «...Я б желал навеки так заснуть, Чтоб в груди дремали жизни силы, Чтоб дыша вздымалась тихо грудь» и т. д. и три начальные строфы стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837). [...]

Известное стихотворение А.А. Фета «Я пришел к тебе с приветом...» (1843) представляет своеобразное обновление подобных периодов путем разрежения параллелизма придаточных предложений при помощи анафорически повторяющегося слова *рассказать*, от которого эти придаточные зависят: «...Рассказать, что солнце встало...», «...Рассказать, что лес проснулся...», «Рассказать, что с той же страстью, Как вчера, пришел я снова» и т.д.» (Булаховский, 1964, с. 281–282).

³³ «С одной стороны, в ПСП реализованы характерные предложенческие признаки: грамматическая оформленность, семантико-синтаксические связи и отношения между частями и компонентами. С другой стороны, ПСП — это композиционный компонент текста с характерными для них текстообразующими признаками (проспекцией, интеграцией, завершенностью, подтекстом и т.д.), а нередко и сам текст как определенное речевое произведение» (Марченко, 2004, с. 32). См. также (Марченко, 2003а; Волохина, Попова 2003).

³⁴ См., например (Глухих, 1991, с. 38–46; Глухих, 1998; Глухих, 2001, с. 82–83; Усманова, 2001).

³⁵ Согласно наблюдениям Е.А. Покровской, «тенденция к синтаксическому слиянию», выражающаяся «в авангардных формах, бросающих вызов традиции [...] породила огромные полипредикативные конструкции, усложненные сложные предложения, но они не имеют ничего общего с тоже очень большими усложненными предложениями синтаксиса классического, иерархического, известными нам по творчеству Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и других классиков русского реализма XIX века. В чем эта принципиальная разница? Во-первых, в классическом синтаксисе усложненные сложные предложения образуются на основе тщательной проработки, уточнения, нюансировки связей и отношений между предикативными единицами, о чем писала Н.Д. Арутюнова. По-видимому, во многом с этим связано появление в языке второй половины XIX века множества новых производных предлогов и союзов - они были призваны уточнять различные оттенки синтаксических отношений, организации сложной, но четко иерархически организованной конструкции. В литературе постмодернизма столь же и еще более крупные усложненные сложные предложения строятся на основе ассоциативных, а не логических связей, грамматические связи часто вообще не проработаны, придаточные могут не иметь своих главных частей, а за указательным словом в главном может не следовать сигнализируемое им придаточное. Ассоциативные связи могут объединять в одно предложение полипредикативные части разных хронологических планов, «скакать» по событиям и сценам, происходящим в разное время в разных ситуациях с

В отсутствии подобной работы сложившаяся реальная практика осмысления МСП — конструкций, позволяющих «передать перерастание восприятия во впечатление, а впечатления — в мысль» (Попкова, 2003, с. 28), раскрывающих, «как соединение в одно целое разнородных, казалось бы, явлений сообщает читателю сильное, цельное впечатление», обобщающих «наблюдения писателя над природой человека», позволяющих «воочию увидеть, как сложен, непредсказуем и интересен путь авторской мысли» (Попкова, 2003, с. 29), — все более будет отдаляться от параметров восприятия, задаваемых для них авторами, а воспринимающие — при обедненном характере индивидуальной речевой практики, незначительности перцептивной базы и неизбежном «уплощении» картины мира в их сознании, — окажутся вне «своего круга»³⁶, к которому они приписаны в силу приобретаемой профессии.

Утратив же способность быть адекватно осмысленными уже не только среднестатистическими носителями русского языка (что демонстрируют сегодня отечественные СМИ и массовая литература), но и лишенными запаса жизненных впечатлений и фоновых знаний³⁷, филологической начитанности и культурного контекста будущими учителями русской словесности, переместившись в сферу профессиональной речи литераторов — когда отпадает необходимость с помощью сложного синтаксиса «компенсировать ущербность письменности»³⁸,

разными субъектами; связи между такими компонентами могут организовываться по принципу соположения, хаотического движения потока сознания. <...> Именно отказом от прозрачности, ясности, логичности, иерархичности <...> можно считать слияние авторской и чужой речи, полное размывание синтаксических и пунктуационных границ между ними» (Покровская, 2001, с. 36–37).

³⁶ «Феномен «своего круга» основан на взаимодействии ряда факторов: «свой» узус, общность апперцептивной базы, общность профессиональной деятельности и интересов, локализованность общения, его темпоральная прикреплённость <...>, следование правилам речевого поведения. Эти правила можно сформулировать в форме императивов: не нарушай традиций; говори как все; не выделяйся; исполняй свои коммуникативные обязанности в соответствии с принятой ролевой иерархией» (Купина, Шамина, 2004, с. 41–42).

³⁷ «С точки зрения методики преподавания русского языка фоновые знания — это базовые, основополагающие знания о культуре своего народа, которые должны быть известны каждому человеку, это знания о представлениях людей о мире, о Вселенной, о материальных и духовных ценностях, которые люди бережно передавали из поколения в поколение, о нравственных законах и устоях.

В настоящее время мы сталкиваемся с проблемой серьезных изменений фоновых знаний молодого поколения по сравнению с такими знаниями, которые человек получает не только в результате непосредственного изучения школьных же знаниями среднего и тем более старшего поколения, т. е. тех предметов, но которые являются культурным, интеллектуальным фоном его жизни» (Новикова, 2008, с. 34).

³⁸ Ср.: «В начале Бог дал человеку речь. А письменность изобрели люди, поняв, что результат разговорного общения «улетает». Но письменности не дано передать звучание и обстановку разговора. Вот, к примеру, я выгляну в окно и скажу: «Вроде сухо, хорошо, что зонт не взял». А написать эту фразу и донести все оттенки значения придется так: «Взглянув в окно и убедившись, что дождя нет, я сказал, что не жалею, что не взял зонт».

устраняются и конструкции, призванные свидетельствовать о высоком развитии мышления и языка (Чесноков, 1966; Стеценко, 1977), — став доступными лишь весьма незначительному кругу «посвященных», еще способных оценить, «как многообразны выразительные средства нашего языка и как виртуозно владели этими средствами наши классики» (Попкова, 2003, с. 29), многочленные сложные предложения неизбежно жаргонизируются, что неизбежно (поскольку между предложениями «остаются те же отношения, которые были между частями сложного предложения» (Фигуровский, 1961, с. 139)) сделает беспредметной всю школьную методику развития речи, — ведь по умению анализировать жаргонные единицы и пользоваться ими оценивать уровень знания языка нельзя.

Литература

1. Алмазова, А.В. (1969) К анализу сложных синтаксических конструкций. *Русский язык в школе*, 1969, 2, 61–62.
2. Барсукова, Н.В. (2005) Русский язык (Грамматика. Текст. Стили речи) 10–11 кл.: подробный разбор заданий из учебника авторов. М.: Вако.
3. Бархударов, С.Г., Крючков, С.Е. и др. (2007) Русский язык: учебник для 9 класса общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение.
4. Беднарская, Л.Д. (2001) Закономерности грамматического и смыслового членения многокомпонентного сложного предложения. *Филологические науки*, 2001, 2, 94–103.
5. Булаховский, Л.А. (1954) Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Учпедгиз.
6. Валгина, Н.С. (2003) Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос.

Чувствуете разницу? Весь этот сложный синтаксис придуман для того, чтобы компенсировать ущербность письменности. Малограмотным и несерьезным стали считать реальное общение по той же причине. Но сегодня ситуация изменилась. Интернет, кино, телевидение немыслимы без разговорной речи. И мы констатируем, что существуют две разновидности русского языка: книжная форма и бытовая. Последняя синтезирует в себе всю окружающую обстановку и демонстрирует ее, как дисплей» (Из интервью В.Г. Костомарова газете «Известия» (19 августа 2008 г., № 152 (27677)).

7. Васильева, А.Н. (1990) Основы культуры речи. М.: Русский язык.
8. Везерова, М.Н., Моранькова, М.Н. (1976) Об изучении многочленных сложных предложений с использованием кодопозитивов. *Русский язык в школе*, 1976, 6, 75–78.
9. Власенков, А.И., Рыбченкова, Л.М. (2006) Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи: учебник для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Просвещение.
10. Волохина, Г.А., Попова, З.Д. (2003) Многокомпонентные сложные предложения как микротекст. Воронеж: Истоки.
11. Глухих, В.М. (1991) Синтаксис и пунктуация рассказов А.П. Чехова: пособие к спецкурсу. Магнитогорск: МГПИ.
12. Глухих, В.М. (1998) Заметки о стилистике многочленных предложений. *Русский язык в школе*, 1998, 5, 74–78.
13. Глухих, В.М. (2001) О синтаксическом функционировании сложных многочленных предложений. *Русский язык в школе*, 2001, 6, 80–83.
14. Глухих, В.М. (2004) О некоторых трудностях в разборе сложных предложений. *Русский язык в школе*, 2004, 3, 112–116.
15. Грамматика (1954) Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч.2. М.: Издательство АН СССР.
16. Добромыслов, В.А. (1957) О связи между уроками русского языка и литературного чтения. *Русский язык в школе*, 1957, 1, 38–49.
17. Казмин, В.В., Рохлин, А.С. (1963) Конструирование предложений по заданным моделям как вид упражнений при изучении синтаксиса. *Русский язык в школе*, 1963, 5, 55–58.
18. Калашникова, Г.Ф. (1980) Развитие логического мышления учащихся и их оперативной памяти при изучении многокомпонентных сложных предложений. *Русский язык в школе*, 1980, 2, 32–37.
19. Купалова, А.Ю. (1991) Практический план изучения сложного предложения с разными видами связи. *Русский язык в школе*, 1991, 3, 37–42.

20. Купина, Н.А., Шамина, И.В. (2004) Современное просторечие: взгляд изнутри. *Русский язык в научном освещении*, 2004, 1 (7), 23–62.
21. Лекант, П.А. (2000) Сборник упражнений по современному русскому языку. М.: Дрофа.
22. Лекант, П.А. (2002) Практический курс современного русского языка. Сборник упражнений. М.: Высшая школа.
23. Марченко, Е.П. (2003) Полипредикативные сложные предложения как единицы текста. *Филологические науки*, 2003, 5, 42–48.
24. Марченко, Е.П. (2003а) Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстообразующие потенции. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук, Краснодар, 250 с.
25. Марченко, Е.П. (2004) Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке. *Русский язык в школе*, 2004, 3, 26–32.
26. Мельничайко, В.Я. (1982) Практическая работа при изучении сложных синтаксических конструкций. *Русский язык в школе*, 1982, 1, 21–27.
27. Московкина, Р.А. (1971) Применение линейных схем в процессе грамматического разбора. *Русский язык в школе*, 1971, 2, 47–50.
28. Московкина, Р.А. (1972) Синтаксический разбор сложных предложений с разными видами связи. *Русский язык в школе*, 1972, 1, 31–35.
29. Новикова, Л.И. (2008) ЕГЭ по русскому языку: миф под названием «объективность». *Русский язык в школе*, 2008, 3, 27–34.
30. Покровская, Е.А. (2001) Динамика русского синтаксиса в XX веке: лингвокультурологический анализ. Автореф. ... дис. д-ра филол. наук, Ростов–на-Дону, 41 с.
31. Попкова, Л.В. (2003) Над текстом «Войны и мира» (X класс). *Русский язык в школе*, 2008, 6, 27–30.
32. Рыбченкова, Л.М., Капинос, В.И., Цыбулько, И.П. (2004) О ЕГЭ и мониторинге по русскому языку. *Русский язык в школе*, 2004, 3, 3–12.

33. Современный русский язык (1989) Современный русский язык. М.: Высшая школа.
34. Современный русский язык (2001) Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. М.: Издательский центр «Академия».
35. Стеценко, А.С. (1977) Исторический синтаксис русского языка. М.: Высшая школа.
36. Усманова, Е.Г. (2001) Сложные многочленные предложения в прозе А.П. Чехова (на материале рассказов и повестей 1890–1900-х гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук, Волгоград, 24 с.
37. Устрицкий, И.В., Тукумцев, Г.Р. (1937): К вопросу о методике пунктуации. (Графический разбор при изучении сложных синтаксических конструкций). *Русский язык в школе*, 1937, 2, 84–106.
38. Фигуровский, И.А. (1961) Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М.: Учпедгиз.
39. Холодов, Н.Н. (1971) К вопросу об изучении многочленных сложносочиненных конструкций в школе. *Русский язык в школе*, 1971, 1, 40–45.
40. Хрущева, Н.Л. (2008) В гостях у Набокова. М.: Время.
41. Чесноков, П.В. (1966) Основные единицы языка и мышления. Ростов–на-Дону: Книжное издательство.
42. Штурмин, Н.Е. (1974) О характерных ошибках студентов при анализе сложных предложений усложненного типа и некоторых путях преодоления этих ошибок. *Русский язык в школе*, 1974, 4, 96–100.